

Соколов А.А.
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИВ РАН

Советская военная миссия во Вьетнаме (26 октября 1946 – 13 января 1947)

Период после окончания Второй мировой войны в истории российско-вьетнамских отношений изучен ещё недостаточно подробно. При этом он представляет несомненный интерес для понимания того, как Вьетнам интегрировался в мировое сообщество, как становился одним из ключевых участников международной политики в Азии.

В 1920–1930-е годы Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока и других подобных вузах обучались вьетнамские революционеры, с их закрытием в 1938 г. разрушилась связь между Коминтерном и вьетнамскими коммунистическими организациями, действовавшими как в самой колонии, так и за её пределами. И контакты между Советским Союзом и Индокитаем оказались прерванными на долгое время¹.

Сложившуюся ситуацию в определённой степени может прояснить так называемый геополитический фактор. Из документов международных конференций стран-участниц антигитлеровской коалиции, состоявшихся в 1945 г. в Ялте и Потсдаме, следует, что позиция И.В. Сталина и соответственно Советского Союза в отношении колониальных стран и колониального вопроса была достаточно сдержанной. Отчасти это объясняется тем обстоятельством

¹ Проведение этого исследования оказалось возможным прежде всего благодаря поддержке Фонда «Дом наук о человеке» (Fondation Maison des Sciences de l'Homme, Paris), предоставившего грант для работы во французских архивах и библиотеках.

Известно, что несколько бывших вьетнамских студентов остались в СССР, принимали участие в обороне советской столицы и героически погибли под Москвой зимой 1942 года.

вом, что главной заботой лидера страны, одержавшей победу во Второй мировой войне, было восстановление разрушенной страны, налаживание экономической жизни и, конечно же, обеспечение безопасности своих государственных границ. Поэтому для него главный и естественный геополитический интерес представляли сопредельные с СССР страны.

Уместно также напомнить рассказ А.И. Мгеладзе (занимавшего пост первого секретаря ЦК КП Грузии в начале 1950-х годов), позднее дополненный В.М. Молотовым, о том, как после войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах – небольшую, как для школьного учебника. Сталин приколот её кнопками на стену и сказал: «Посмотрим, что у нас получилось... На Севере у нас всё в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика – это исконные русские земли! – снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы – вместе, молдоване – вместе. На Западе нормально. – И сразу перешел к восточным границам. – Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш, – Сталин провел трубкой по Китаю, – КВЖД наша. Китай, Монголия – всё в порядке...»². Именно таким было понимание им стратегических задач и геополитических интересов Советского Союза.

Относительно колониального Индокитая, возможно, действовал ещё один фактор, связанный с тем, что в годы Второй мировой войны Франция была союзником СССР. Важную роль также играли тесные, доверительные отношения, которые тогда существовали между советскими коммунистами и Французской компартией.

* * *

Почти сразу же после капитуляции Японии³ советское руководство посчитало необходимым ознакомиться с ситуацией в Индокитае, чтобы по-

² Сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 14.

³ Официальное подписание акта о капитуляции Японии состоялось 2 сентября 1945 года. В тот же день на многотысячном митинге в Ханое Хо Ши Мин

нять, как там происходит разоружение частей японской армии, что делают в этой французской колонии англичане и американцы. Формальный повод нашёлся довольно быстро – репатриация советских граждан.

Действительно, с вступления советских войск на территорию Восточной Европы и Германии возникла проблема репатриации советских граждан, оказавшихся за рубежом. 23 октября 1944 г. для этой цели было образовано Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, которое возглавил генерал-полковник Ф.И. Голиков, ранее начальник разведывательного управления Красной Армии. Сотрудники этого ведомства установили, что к концу войны за пределами СССР оказалось около 5 миллионов советских граждан, которых именовали «перемещенными лицами»: военнопленные, «восточные рабочие», узники концлагерей, военнослужащие в немецких формированиях и пр.⁴. Согласно Ялтинскому соглашению, находившиеся в разных странах «перемещенные лица» должны были в обязательном порядке возвращаться на родину.

29 июня 1945 г. было подписано советско-французское соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан, находящихся соответственно под контролем властей этих стран⁵. Оно в целом было иден-

провозгласил независимость Вьетнама и создание Демократической Республики Вьетнам.

⁴ Подробнее об этом см.: Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3-13.

⁵ Так, в соответствии с этим соглашением Советский Союз в кратчайший срок репатриировал освобожденных Советской Армией французских граждан, которые были захвачены гитлеровцами и заключены в концентрационные лагеря, а также всех других французских граждан, по тем или иным причинам оказавшихся в годы войны на территории советской администрации. Всего было репатриировано 315 548 человек. См.: Загладин В.В. Франко-советские отношения после Второй мировой войны // СССР – Франция. (Из истории политических, экономических и культурных отношений). М., 1960. С. 22. Согласно официальному Отчёту о работе по репатриации, из Советского Союза было репатриировано французских граждан и военнопленных (*по годам*): 310.091 человек (1945), 3.061 (1946), 157 (1947), 20 (1948) и 3 (1949). См.:

тично ялтинским соглашениям, но отличалось наличием протокола из следующих двух пунктов:

«1. Репатриации подлежат все советские и французские граждане, включая и тех из них, которые подлежат привлечению к ответственности за совершенные ими преступления, в том числе и за преступления, совершенные на территории другой договаривающейся Стороны.

2. Упомянутое соглашение о содержании и репатриации советских и французских граждан распространяется также на освобожденных Красной Армией жителей французских владений и французских протекторатов»⁶.

Многие материалы и документы, относящиеся к деятельности советских комиссий и групп по делам репатриации за рубежом, по-прежнему остаются малодоступными для исследователей. А об индокитайской группе в отечественных архивах открытых документов практически нет⁷. Поэтому основные факты, связанные с её работой, стали известны благодаря беседе автора с непосредственным участником этих событий – Владимиром Лазаревичем Вишняком⁸.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 9526 сч. Описание 6 сч. Дело 932. Листы 135-137.

⁶ Цит. по: Полян Павел. Жертвы двух диктатур. М., 1996. С. 379.

Причем репатриации подлежали только **советские** граждане, тогда как не советские – не подлежали, поэтому огромную роль играли критерии советского гражданства, которыми руководствовались при репатриации западные союзники СССР. Это: (1) или проживание до 3 сентября 1939 г. на территории СССР в его границах до этой даты, (2) или пленение позднее 11 февраля 1945 г. (даты подписания Ялтинского договора). То есть согласно этим критериям, принудительной репатриации не могли подлежать жители Эстонии, Латвии и Литвы, Западной Украины и Северной Буковины, а также старые русские эмигранты, покинувшие Россию до сентября 1939 года. Из этого исходило, например, правительство Великобритании.

⁷ Официально индокитайская группа просуществовала с августа 1946 по март 1947 года. См.: ГАРФ. Фонд 9526 сч. Описание 6 сч. Дело 932. Лист 174.

⁸ Об этой советской военной миссии стало известно совершенно случайно. В 1999 г. в журнале «Искусство кино» (№№ 1-2) была опубликована повесть В.Л. Вишняка «Случай на станции Хармас», во вступительной части которой сообщалось, что в 1946 г. автор «ездил французским переводчиком во Французский Индокитай».

В.Л. Вишняк происходил из потомственной инженерной семьи и французский язык знал с детства – его родители до Октябрьской революции 1917 г. жили во Франции и Бельгии. После окончания школы он последовал семейной традиции и решил получить техническое образование.

В годы Великой Отечественной войны ему пришлось выполнять обязанности переводчика, поэтому в 1944 г. он был направлен в Военный институт иностранных языков Красной Армии, в котором окончил краткосрочные курсы немецкого языка. Это обстоятельство во многом определило его дальнейшую судьбу – он решил заняться изучением иностранных языков и стать профессиональным переводчиком. И после демобилизации в 1948 г. Владимир Вишняк предпочел инженерной профессии учёбу в Институте иностранных языков.

Сразу же после окончания войны – в середине мая 1945 г. – Владимир Вишняк направляется на работу в Управление по делам репатриации при Совете министров СССР. Вначале предполагалось, что он будет командирован в английскую зону в Берлин, но британская военная администрация дала разрешение на приезд только переводчикам английского языка, тогда как Вишняк числился переводчиком немецкого языка. Поэтому перед ним была поставлена задача выучить английский язык на уровне, необходимом для выполнения служебных обязанностей.

Владимир Вишняк стал усиленно заниматься английским языком, продолжая работать в Управлении по делам репатриации. Английскому языку

При этом уместно напомнить, что ещё в конце 1960-х – начале 1970-х годов Д.В. Деопик, читавший в ИСАА при МГУ курс лекций по новейшей истории Вьетнама, рассказывал услышанную им от вьетнамцев историю о советской военной делегации, которая побывала в Сайгоне сразу же после окончания Второй мировой войны.

На момент опубликования повести В.Л. Вишняк проживал в Англии. Он - почетный ассистент русской кафедры Манчестерского университета, преподаватель русского языка в Манчестерской женской гимназии. Беседа с ним состоялась 27 августа 1999 г. в Москве, во время его краткого приезда в Россию.

его обучали американцы – преподаватели Института иностранных языков. Тогда же его стали готовить для командировки во Французский Индокитай.

В августе-сентябре 1945 г. Вишняк в качестве переводчика английского языка работал в Маньчжурии – в Квантунской армии было немало пленных американцев⁹. По делам службы он побывал в Мукдене и Дайрене, а потом вернулся в Хабаровск. Там он провел несколько месяцев (с сентября по декабрь 1945 г.) в ожидании решения из Москвы относительно командировки в Индокитай.

Первоначально предполагалось, что индокитайская группа в целях экономии средств отправится к месту назначения из прямо из Хабаровска. Однако решения о командировке так и не поступило, и группа вернулась в Москву. Поскольку Владимир Вишняк и его товарищи надолго задержались в Хабаровске, то Новый 1946 год им пришлось встречать в поезде – где-то на Урале, на границе Азии и Европы. Вернувшись в Москву, Владимир Вишняк вновь приступил к работе в Управлении по делам репатриации, продолжая готовиться к поездке в далекую французскую колонию.

В связи с просьбой советской стороны между различными французскими ведомствами велась активная переписка, в дискуссию были вовлечены многие высшие политические деятели Франции. Из документов французских архивов известно, что 5 декабря 1945 г. посол Франции в СССР Жорж Катру направил телеграмму главе французского правительства (тогда – Шарлю де Голлю) о том, что советские власти обратились с просьбой выдать дипломатические визы полковнику Владимиру Дубровину, главе советской миссии по репатриации в Индокитае, и сопровождающим лицам – подполковнику Михаилу Кореvu, майору Василию Емельянову, лейтенанту Владимиру Вишняку, лейтенанту Валентину Сееву и лейтенанту Алексею

⁹ С 25 сентября 1945 г.

начала действовать группа по делам репатриации в Корею, Маньчжурии и Квантунской области.

Кузьмину¹⁰. На сделанный им запрос в Народный комиссариат иностранных дел СССР он получил ответ: по данным американцев, несколько сотен русских пленников находятся в Индокитае, и поэтому в Москве была создана специальная группа, которой поручено заниматься их репатриацией¹¹.

Сложившуюся ситуацию конкретизирует записка (от 7 декабря 1945 г.)¹², направленная Шарлем де Голлем министру иностранных дел Жоржу Бидо: «Советские просят паспорта для 8 или 9 офицеров, которые хотят прибыть в Индокитай, чтобы заняться репатриацией своих военнопленных. Мы не можем ответить на эту просьбу.

Верховный комиссар в Индокитае ничего не сообщал о находящихся там русских пленников... Их там действительно насчитывается несколько сотен? Но и это не аргумент для направления туда такого большого количества офицеров, чтобы заниматься этим вопросом.

И наконец, в то время, когда русские власти продолжают держать моих офицеров в лагерях в России, мы поступили бы экстраординарно, открыв им двери в Индокитай»¹³.

8 декабря 1945 г. Жорж Катру обращается к французскому министру колоний с просьбой направить срочную телеграмму в Сайгон адмиралу д'Аржанлье – Верховному комиссару в Индокитае¹⁴. 13 декабря от него был получен ответ, что на данный момент «R.A.P.W.I.¹⁵ сведениями о русских военнопленных к югу от 16-й параллели не располагает», а что касается се-

¹⁰ Archives du Ministère français des Affaires Étrangères, fond Asie-Océanie / Indochine (далее – МАЕ / АО / IC), dossier 137. P. 74.

¹¹ Ibid.

¹² Этот документ хранится в архиве МИД Франции. Однако не ясно, что это – подлинник или только проект документа.

¹³ МАЕ / АО / IC, dossier 137. P. 77.

¹³ Ibid. P. 79.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Repatriation allied prisoners of war and internees.

верной части страны (т.е. к северу от 16-й параллели), то там, как указано в тексте, скорее всего, ситуация аналогичная¹⁶.

Поэтому в телеграмме, направленной 15 декабря 1945 г. МИД Франции своему послу в Москве, сообщалось, что «французское правительство не может удовлетворить просьбу русских. ...Прежде всего их миссия представляется очень многочисленной. И наконец, русские продолжают запрещать доступ в свои лагеря к нашим офицерам, и будет противоестественно, если мы будем содействовать им в Индокитае»¹⁷.

В телеграмме от 21 декабря 1945 г. из Парижа вновь была подтверждена позиция французской стороны: «...Адмирал д'Аржанлье подтвердил, что, по данным R.A.P.W.I., нет никаких русских военнопленных к югу от 16-й параллели. Более того, в этой организации никогда не слышали и о пленниках в северной зоне. ...И если, впрочем, какие-то советские военнопленные имеются на севере от 16-й параллели, то тогда R.A.P.W.I. займётся ими.

Исходя из такой ситуации, просим сообщить Советскому правительству, что направление их миссии по делам репатриации [в Индокитай] представляется излишним»¹⁸.

В телеграмме от 21 января 1946 года, направленной в МИД Франции, Жорж Катру продолжает информировать о настойчивых просьбах советской стороны:

«Советские власти в ответ на вашу телеграмму сообщили, что “по сведениям, весьма неполным, полученным от американских властей, только в одном Ханое находятся 323 советских военнопленных и 20 гражданских лиц, ожидающих репатриации”.

В своей ноте Наркоминдел добавляет, что эта информация была получена [им] в ноябре 1945 года, и американские военные власти сообщили со-

¹⁶ Ibid. P. 82. Возможно, что это только проект телеграммы, так как в документе есть исправления.

¹⁷ Ibid. P. 83.

¹⁸ Ibid. P. 84.

ветским военным властям, занимающихся репатриацией, что командующий американскими войсками в Китае дал разрешение на пролет советского самолета, который доставит в Ханой группу офицеров по делам репатриации. Отъезд этой миссии был задержан «только из-за того факта, что народный комиссар иностранных дел посчитал необходимым обратиться по поводу этого дела в посольство Франции»¹⁹.

Решению этого вопроса должно было помочь совместное советско-французское соглашение о репатриации (от 29 июня 1945 г.), согласно которому компетентные власти каждой страны должны вернуть пленных и депортированных лиц, находящихся на территории миссии по репатриации другой страны. Из французского кабинета министров было направлено письмо специальному представителю Французской Республики Жану Сентени, находившемуся тогда в Ханое, с просьбой разобраться в этой ситуации²⁰. По его поручению капитан Франсуа Мисофф обратился с запросом расположенный в Ханое Комитет русских в Индокитае, из которого был получен следующий ответ (датированный 3 февраля 1946 г.):

«(1) Численность русских граждан в Индокитае.

Не представляется возможным собрать данные обо всех русских, находящихся в Индокитае. Поэтому сообщаем сведения только по Тонкину: 44 человека, из них – 28 легионеров, находящихся в ханойской Крепости.

(2) Пленные.

По нашим данным, пленных больше нет.

(3) Вопрос о репатриации.

(а) Легионеры.

К настоящему времени 5 легионеров выразили нам своё пожелание как можно скорее репатрироваться в Шанхай. Другие же, не имея определенных планов, предпочитают дожидаться последующих инструкций, которые бы

¹⁹ Ibid. P. 93.

²⁰ Ibid. P. 96. Ранее Жан Сентени возглавлял французскую военную миссию в Китае. С декабря 1945 г. он – комиссар Республики в Тонкине и Северном Аннаме (commissaire de la Republique pour le Tonkin et le Nord Annam).

определили их репатриацию в метрополию, а также освобождение в Индокитае.

(б) Гражданские лица.

Можно предполагать возможность обращения с просьбами как минимум семерых о желании репатрироваться в Шанхай и одного во Францию»²¹.

Спустя несколько дней, 7 февраля 1946 года, адмирал д'Аржанлье направил телеграмму министру колоний (одновременно кабинету министров Франции), в которой сообщил: «В Ханое находятся 44 русских: 16 гражданских лиц и 28 легионеров, которые проходят службу во французских войсках. Русских военнопленных нет. Есть только легионеры, у которых заканчивается срок контракта, и они должны отбыть на территорию согласно своему выбору. 21 легионер изъявил пожелание перебраться в Шанхай»²². А в телеграмме, направленной в Париж из Чунцина (11 февраля 1946 г.), сообщалось со ссылкой на представителя китайского правительства (Le Wai Kiao Pou), что оно согласно разрешить пролет советского самолета, который доставит в Ханой миссию по репатриации²³.

Постепенно позиция французских властей стала меняться. Видимо, свою роль сыграла твёрдая позиция советской стороны, которая не переставала настаивать на выполнении совместного соглашения от 29 июня 1945 г. о репатриации граждан СССР. Прямо отказать французы не могли, поэтому искали выход из этой ситуации и выдвигали разные варианты. Так, было предложено, чтобы в Ханой приехал один офицер из числа сотрудников советской миссии в Чунцине, «у которого будут все возможности, чтобы установить контакты со своими соотечественниками и подготовить рекомендации для своего правительства по наиболее подходящим мерам, касающимся

²¹ Archives d'histoire contemporaine, Fondation nationale des Sciences Politiques, Fond Jean Sainteny (далее - FNSP / JS), 1 SA – 1.

²² MAE / AO / IC), dossier 137. P. 97.

²³ Ibid.

их репатриации»²⁴. Такой вариант поддержали и министр колоний, и адмирал д'Аржанлье.

Вначале в Москве ответили отказом на такое предложение, но позднее, как следует из телеграммы французского посольства в Москве (от 20 мая 1946 г.), сообщили о своём согласии: «Генерал Голубев²⁵ готов принять нашу формулу: он предлагает назначить полковника Дубровина и переводчика – из советской миссии в Чунцине»²⁶.

11 марта 1946 г. советская стороны сообщила о составе индокитайской группы: полковник Дубровин (руководитель), адъютант Кузин и переводчик Вишняк²⁷. А 23 мая 1946 г. МИД Франции дал указание послу Франции в СССР «выдать визы на 3 месяца, а в случае необходимости продлить»²⁸. И уже в июне 1946 г. французы дали понять, что поездка миссии возможна «в соответствии с советско-французским соглашением». И в первой половине июня французский посол подписал визы советским офицерам²⁹.

После того, как был найден взаимоприемлемый вариант, французы продолжали собирать информацию о русских в Индокитае. Вот что на этот счет сообщил адмирал д'Аржанлье в министерство колоний Франции:

«Русские, которые считаются японскими военнопленными, являются солдатами 5-го пехотного полка Иностранного легиона, они были интернированы и находились в Ханойской крепости. 12 из них уже эвакуированы в Сайгон. Оставшиеся 6 человек хотят немедленно того же. Все они будут отправлены во Францию на одном из кораблей, покидающих Сайгон примерно 15 июня. И с этой дня ни одного русского военнопленного в Индокитае не будет.

²⁴ Ibid. P. 109.

²⁵ Голубев Константин Дмитриевич – заместитель и 1-й заместитель Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан в 1944-1949 годах.

²⁶ MAE / AO / IC, dossier 137. P. 109.

²⁷ Ibid. P. 124.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. P. 142.

Также сообщаю, что некоторое число русских солдат из 5-го пехотного полка Иностранного легиона, которые после 9 марта отошли в Китай со своими подразделениями, снова находятся в Индокитае, где продолжают служить в наших рядах³⁰.

Другие русские, находящиеся в северной части Индокитая, – гражданские лица, но они не проявили желания репатрироваться»³¹.

Всё лето 1946 г. индокитайская группа провела в ожидании, предполагалось, что лететь им придется через Францию. Но потом маршрут изменился – было принято решение ехать через Китай. И только в конце лета того же года согласно Особому распоряжению был окончательно утвержден состав группы: полковник Владимир Николаевич Дубровин (руководитель), его адъютант Алексей Кузьмин и переводчик Владимир Вишняк. Согласно этому документу, Владимир Вишняк был включен в эту группу как переводчик английского языка, хотя впоследствиигодились его знания французского языка.

В двадцатых числах августа они отправились в Индокитай. До Владивостока ехали поездом № 516, получившим широкую известность как «500-й веселый»³². Прожив несколько дней во владивостокской гостинице «Интурист», группа полковника Дубровина (в дальнейшем именуемая – советская военная миссия) села на пароход «Смольный». Это торгово-пассажирское судно грузоподъемностью в 6 тысяч тонн раньше курсировало по маршруту Москва-Стокгольм.

До Шанхая пароход шел почти пять суток. После нескольких дней, проведенных в этом крупном китайском портовом городе, советская военная миссия на том же «Смольном» продолжила свой путь в Гонконг, а уже отту-

³⁰ Также об этом см.: Елисеев Ф.И. В Иностранном легионе и в плену у японцев. М., 2005.

³¹ МАЕ / АО / IC, dossier 137. P. 126.

³² «Пятьсот весёлый» – состав, сформированный из солдатских теплушек, в годы войны в них перевозили солдат с фронта на фронт. После окончания военных действий такие составы стали использовать для перевозки штатского населения, чтобы разгрузить напряженный пассажирский поток.

да 26 октября 1946 г. прибыла в Сайгон. Владимир Вишняк хорошо запомнил эту дату, ведь это его день рождения. В Москву сразу же была отправлена телеграмма, посланная на имя одного из руководителей Управления по делам репатриации – генерала Я.Д. Басилова: «Добрались благополучно в Сайгон 26 октября. Адрес: гостиница “Континенталь”»³³.

28 октября 1946 г. адмирал д'Аржанлье в телеграмме в Париж сообщал, что «полковник Дубровин и два его адъютанта прибыли в Сайгон»³⁴. А 17 ноября 1946 г. в Париж была направлена докладная записка относительно задач советской миссии по репатриации. В частности, сообщалось, что согласно данным службы Сюрте Федераль, на февраль 1946 г. в Индокитае русские [гражданские] апатриды проживали в Кохинхине – 5 мужчин и 5 женщин, в Тонкине – 8 мужчин и 2 женщины (при этом один мужчина скоро получит советский паспорт, в ожидании паспортов также находится одна супружеская пара), в Аннаме – 1 мужчина и 1 женщина³⁵.

По прибытии в Сайгон советская военная миссия дала в местных газетах следующее объявление: «Советский полковник принимает бывших граждан СССР и помогает им в возвращении на Родину».

Вначале никаких откликов на это объявление не было, но после 19 декабря 1946 года, когда уже фактически начались крупномасштабные военные действия против Хо Ши Мина, в представительстве советской военной миссии стали появляться первые посетители. В большинстве своем это были солдаты Иностранного легиона: украинцы, латыши, литовцы и другие быв-

³³ Оригинал телеграммы на французском языке: «Bien arrives 26 Octobre Saigon Adresse hotel Continental – Doubrovin». См.: ГАРФ. Фонд 9526. Опись 1. Дело 423. Л. 129.

³⁴ МАЕ / АО / IC, dossier 137. P. 151; Service Historique de l'Armee de Terre, (Chateau de Vincennes), Indochine (далее – SHAT / IC), dossier 10 Н – 4364. Также в Bulletin de renseignements (№ 339. [1947]) со ссылкой на вьетнамский источник сообщалось, что «русский полковник в сопровождении двух офицеров покинул Шанхай в декабре [1946 г.] в направлении Индокитая. Эти русские поддерживают связь с... Вьетминем» См.: SHAT / IC, dossier 10 Н – 4364.

³⁵ МАЕ / АО / IC, dossier 137. P. 156.

шие граждане СССР, всего – чуть более полутора десятка человек. Самых русских было мало, причем, один из них вообще никогда не был в России – он родился и вырос в Югославии. Как вспоминал В.Л. Вишняк, этот молодой человек с большим пафосом прочитал сотрудникам советской миссии стихотворение о Сталине – так он хотел продемонстрировать свои чувства по отношению к Советской стране.

По словам В.Л. Вишняка, некоторые из бывших граждан СССР пришли в миссию полковника Дубровина, потому что не хотели участвовать в начавшейся войне в Индокитае, боялись попасть в плен. Сайгонские газеты публиковали многочисленные материалы о «жестоким обращении северян с пленными». По бытовавшему тогда мнению, вьетнамцы всех служивших в Иностранном легионе европейцев считали французами³⁶.

Согласно подписанному с Иностранным легионом договором, солдаты должны были служить в нем 5 лет. Тем не менее полковнику Дубровину удалось договориться с французскими властями в Сайгоне, чтобы так называемые советские или русские граждане могли оставить службу в легионе без каких-то для них последствий и осложнений. Потом из Сайгона на пароходе «Александр де Род» они отправлялись во Францию. В Марселе их встречал советский представитель из Управления по делам репатриации, а затем они следовали в Советский Союз.

Французские военные власти внимательно наблюдали за деятельностью советской миссии в Индокитае. Так, в докладной записке генерала Нио, командующего французскими войсками в Южном Индокитае³⁷, утверждалось, что «полковник Дубровин... является офицером русских спецслужб. В

³⁶ Этот факт подтверждается и в воспоминаниях Ф.И. Елисеева: «Японцы спрятали нас [пленных] под брезентом в грузовых машинах, чтобы скрыть от аннамитов, опасаясь их нападения на нас, как на французов, так как они объявили свою полную независимость от Франции См.: Елисеев. Указ. соч. С. 173.

³⁷ Его официальная должность – *commandant des Troupes francaises d'Indochine du Sud / Forces Terrestres du Sud Vietnam*.

1944-1945 годах он находился в Чунцине»³⁸. А в телеграмме заместителя начальника Штаба подполковника Наньера, отправленной 11 ноября 1946 г. из Сайгона в Нанкин, подчеркивалось: «Официальная цель миссии – репатриация русских подданных в соответствии с условиями советско-французского соглашения от 25 июня 1945 года. Эта миссия носит временный характер»³⁹.

Глава Второго бюро⁴⁰ в Индокитае Келлер в одном из своих донесений по инстанции сообщал: «Советская миссия развернула информационную сеть (особенно с помощью немцев) в подразделениях Легиона. Члены миссии не хотят возвращаться домой с пустыми руками.

Они довольны поисками, проведенными во 2-м и 3-м подразделениях, хотя конкретных результатов не получили. Чтобы они были удовлетворены, нужно им сейчас представить несколько старых апатридов, которые не требуют возвращения на родину⁴¹.

В 5-м подразделении один из их подручных-вербовщиков направил в миссию старого легионера, который уже завершил свою 15-летнюю службу и выразил пожелание репатриироваться. Итак, механизм отлажен и действует. Этот вербовщик будет переведен в другое место, где он сможет выполнять свою работу.

В 13-й полубригаде дело обстоит гораздо сложнее. Её командир заявил членам миссии, что у него нет никаких советских подданных (и это действи-

³⁸ SHAT / IC, dossier 10 Н – 4364, Bulletin de renseignements, № 3.887 [9.11.1946].

³⁹ SHAT / IC, dossier 10 Н – 526.

⁴⁰ Второе бюро – французская военная разведка.

⁴¹ В документах более позднего периода (26 сентября – 25 октября 1947 г.) упоминаются представители русской колонии Хмелев (Hmeleff) из Далата и Жданов (Jdanoff) из Сайгона, которые обращались в Советское консульство в Шанхае относительно их возможного возвращения в СССР. Им был дан ответ, что они опоздали, так как уже установлена дата отъезда – 10 октября. Жданов также спрашивал, можно ли ему вернуться в Маньчжурию, где он работал до войны. Кроме того, Жданов и Хмелев интересовались: распространяются ли на них те же правила и условия, которые предоставляются для русских, проживающих в Шанхае. См.: МАЕ / АО / IC, dossier 346. P. 240.

тельно так, ведь русские поступили на службу в Легион как лица другой национальности)»⁴². На эти слова полковник Дубровин возразил, что неоднократно слышал и русскую речь, и русские песни под окнами гостиницы «Континенталь» – именно там часто оказывались находившиеся в увольнении солдаты из этого подразделения.

В такой ситуации, «когда уже поздно замаскировать русских, которых в 13-й полубригаде может оказаться до 30 человек», Келлер призывал: «нужно настаивать на том обстоятельстве, что нам [французам] неизвестна истинная национальность легионеров, и затем представить советским офицерам тех легионеров, которых они уже идентифицировали»⁴³. Французские военные власти оказались перед трудным выбором: «...либо отказать в удовлетворении требований полковника Дубровина, либо выдать легионеров, на которых нам будет указано»⁴⁴.

17 декабря 1946 г. дивизионный генерал Жан Валлюи, главнокомандующий Французскими вооруженными силами на Дальнем Востоке (ФВСДВ), направил очередное донесение Верховному комиссару в Индокитае, в котором с соответствии с советско-французским договором предписывал оказывать помощь и создавать благоприятные условия членам советской военной миссии, «чтобы они смогли выполнить эту задачу в минимальные сроки – в отношении военных лиц»⁴⁵. В этом документе в очередной раз подчеркивается, что «никакой выходец из России не фигурирует в Легионе под этой национальностью». Тем не менее «в подразделения были сделаны запросы, чтобы найти и обозначить легионеров, желающих обрести свою истинную национальность, имея ввиду их репатриацию». После этого некоторые легионеры-славяне, которые были известны их начальникам как русские

⁴² SHAT / IC, dossier 10 H – 531. Fiche: Saigon, 30.11.1946.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid. Saigon, 17.12.1946.

или были названы полковником Дубровиным (в результате донесений его информаторов⁴⁶), были предоставлены членам советской миссии.

В телеграмме подполковника Маньера от 24 декабря 1946 г. сообщалось: «Советская миссия по репатриации запросила двух легионеров литовского происхождения, которые, как утверждается, служили в Советской Армии после 1 сентября 1939 года. Необходимо выяснить, можно ли удовлетворить данное требование советской миссии, так как это создает определенный прецедент»⁴⁷. Позднее, 3 января 1947 г. полковнику Дубровину было сообщено, что по решению главнокомандующего ФВСДВ 2 литовских легионера могут подлежать репатриации в СССР в соответствии с положениями советско-французского соглашения⁴⁸. Как отмечалось в служебной записке от 9 января 1947 года, советской миссией был составлен список из 8 легионеров, которые могли бы быть репатрированы. В их числе упомянут Пётр Новиков (Novikoff Pierre) и несколько прибалтийцев⁴⁹. В результате – «3 легионера попросили о репатриации. Один из них уже находится на пути в Марсель...»⁵⁰.

Французские власти исходили из того, что советская миссия не может завершить свою работу в Индокитае без положительных результатов, по-

⁴⁶ В донесении также отмечалось: «Известно, что полковник Дубровин создал сеть информаторов в некоторых подразделениях экспедиционного корпуса, что может быть интерпретировано как недостаток учтивости или нарушение международных дипломатических правил. Более того, деятельность этой миссии – по контактам, которые она ведет с некоторыми подозрительными личностями, постепенно отдаляется от тех целей, которые она официально заявила по прибытии в Индокитай». См.: SHAT / IC, dossier 10 H – 531. Fiche: Saigon, 30.11.1946.

⁴⁷ SHAT / IC, dossier 10 H-531.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ SHAT / IC, dossier 10 H – 531. Note: 9.01.1947.

⁵⁰ Saigon, 17.12.1946. См.: SHAT / IC, dossier 10 H - 531. Также в Bulletin de renseignements (Saigon, 12.12.1946) сообщалось, что среди легионеров в Камбодже циркулируют ложные слухи о том, что посланный в Сайгон советский полковник уже находится в России, и там был казнён легионер русского происхождения, который вернулся на свою родину по согласию французского командования. См.: SHAT / IC, dossier 10 H – 4364.

скольку аналогичные советские миссии по репатриации уже проводили такую же работу в различных подразделениях Иностранного легиона и во Франции, и в Северной Африке. Глава Второго бюро Келлер считал, что «французские военные власти проявили добрую волю для выполнения соглашения от 29 июня 1945 года. ...и миссия полковника Дубровина завершена в том, что касается армии»⁵¹.

В целом же, как вспоминал В.Л. Вишняк отношение французских властей в Сайгоне к советской военной миссии было доброжелательным, и главная причина, вероятно, была в том, что в недавно закончившейся войне против фашистской Германии обе страны были союзниками. Дважды (по прибытии и перед отъездом) членов советской миссии принимал Верховный комиссар в Индокитае адмирал Тьерри д'Анжанлье. На первых порах французы даже выделили советским офицерам легковую машину для их служебных нужд⁵², но после 19 декабря 1946 г. перестали это делать. Возможно, французы считали, что в начавшихся военных действиях в колонии симпатии офицеров советской миссии будут на стороне Северного Вьетнама и правительства Хо Ши Мина.

Для оказания помощи французские власти приставили к советской миссии своего военного атташе Ивана Павловича Правосудовича, русского по происхождению. В Первую мировую войну он попал в сформированный в Екатеринбурге Экспедиционный корпус, с которым он затем был переброшен во Францию, где воевал против немцев. После окончания военных действий Правосудович решил остаться во Франции⁵³.

⁵¹ Saigon, 17.12.1946. См.: SHAT / IC, dossier 10 H - 531.

⁵² Из рассказа Д.В. Деопика: советские офицеры передвигались по Сайгону на хорошей современной машине белого цвета.

⁵³ Он числится в списке русских офицеров в Тонкине как Жан Правосудович (Jean Pravosudovich). В личных данных указано, что он бывший офицер Русской армии, в Иностраный легион поступил по прямому набору в чине младшего лейтенанта (на момент поступления – лейтенант). См.: Szecsko Tibor. La Legion Etrangere en Indochine, 1919-1941. Paris, 1989. P. 280.

Обычно Правосудович сопровождал советскую миссию во всех её поездках. Его «наблюдательный пункт» (это собственное выражение Правосудовича) представлял собой постоянный столик в кафе⁵⁴, расположенном на улице Катина как раз напротив гостиницы «Континенталь», где проживали советские офицеры. И в любое время, когда члены миссии уезжали из гостиницы или возвращались, их всегда встречал Правосудович на своем посту.

Советская военная миссия находилась в Сайгоне два с лишним месяца – с 26 октября 1946 до 13 января 1947 года⁵⁵. За это время её офицеры, помимо Сайгона и его пригорода Шолона, также побывали в Далате и Нячанге, а полковник Дубровин слетал на самолёте в Пномпень, где, по словам В.Л. Вишняка, встречался с принцем Нородомом Сиануком. В доступных документах французских архивов факт этой встречи не зафиксирован. Но есть служебная записка от 21 декабря 1946 г. о том, что «полковник Дубровин в сопровождении офицера связи Право отбыл в Пномпень, а 22 декабря тем же самолетом – в Сеамреап. Возвращение в Сайгон предполагается 22 декабря после полудня»⁵⁶. На Север Вьетнама советские офицеры не отправились, во-первых, потому что там развернулись крупномасштабные военные действия, и французы не могли гарантировать им безопасность, а во-вторых, по данным, представленным им французскими властями, там уже не было русских / советских гражданских и военных лиц, которые попадали бы в сферу их деятельности по репатриации.

Члены военной миссии полковника Дубровина фактически стали первыми советскими людьми, которые официально побывали в Сайгоне и, мо-

⁵⁴ Возможно, это было кафе «Gival».

⁵⁵ В.Л. Вишняк в беседе неоднократно называл другую дату, более позднюю. Однако во всех доступных архивных документах зафиксирован день отъезда – 13 января 1947 года.

⁵⁶ SHAT / Indochine, dossier 10 Н – 531. Как вспоминал В.Л. Вишняк, из Камбоджи полковник Дубровин привез ему и Кузьмину в подарок красивые кхмерские мечи с надписью «Ангкор».

жет быть, во Вьетнаме с начала XX века⁵⁷. В.Л. Вишняк вспоминал, что отношение вьетнамцев к нему и другим членам миссии было теплым и доброжелательным. А после начала войны Сопротивления нередко были случаи, когда вьетнамцы, жители Сайгона, узнав, что разговаривают с советскими людьми, дружески пожимали им руки.

Свою работу военная миссия полковника Дубровина закончила 13 января 1947 года. Самолетом советские офицеры долетели до Гонконга, там пересели на английский пароход, на котором добрались до Шанхая. А оттуда на уже знакомом им судне «Смольный» они плыли до Владивостока, а затем поездом несколько дней добирались до Москвы.

Как уже отмечалось раньше, французские спецслужбы регулярно информировали Париж о деятельности советских офицеров в Индокитае. В своем первом донесении от 22 ноября 1946 г. руководитель Второго бюро в Индокитае Келлер подробно проанализировал работу миссии полковника Дубровина спустя месяц после её прибытия в Сайгон:

«Цель миссии

(1) Официально заявленная цель не оставляет иллюзий ни у кого. Репатриация советских подданных – это прикрытие, и, вполне вероятно, что, несмотря на добрую волю, проявленную как гражданскими службами, так и военными, чтобы лояльно выполнять соглашение от 29 июня 1945 года, советская миссия не найдёт лиц для репатриации.

Реальные цели миссии представляются следующие:

(а) Отыскать военных из армии Власова, для того чтобы их идентифицировать. Очень возможно, что члены миссии развернули сеть осведомителей во всех подразделениях Легиона.

⁵⁷ По некоторым данным, в середине 1930-х годов в Сайгоне по французскому паспорту (как гражданка Франции) побывала Анна Лазаревна Разумова, кадровый сотрудник Коминтерна.

(б) Собрать документы общего характера об Индокитае и особенно о его экономическом потенциале, а также изучить возможность размещения здесь консульской службы...

(в) Возможно, установить контакты с французскими элементами за рубежом или коренными жителями, расположенными к коммунизму. Но в этом плане имеющийся статус миссии не позволяет ей осуществлять активную деятельность, и, возможно, эта задача перейдет к другим миссиям, которые придут сюда как продолжение нынешней...

Но в целом, нельзя упрекать миссию в деятельности, явно несовместимой с её официальным статусом. ...Однако опасность советской миссии состоит уже в самом её присутствии здесь. Мы не можем им противостоять, мы можем только максимально облегчить выполнение их официальной задачи для того, чтобы сократить их пребывание здесь.

(2) Политический резонанс

Комментарии по поводу пребывания этой миссии весьма многочисленны и разнообразны. О ней говорит весь Сайгон, весь Индокитай – и все интерпретируют на свой лад.

До настоящего времени явные отклики были незначительны. Можно признать, что налицо определенное разочарование в различных кругах. Все, кто пытался побудить членов этой миссии сделать официальные заявления..., оказались обманутыми. Полковник Дубровин всегда повторял, что предпочитает быть в стороне от политических проблем. ...Эта миссия наблюдала, но не вмешивалась в политическую сферу. Кстати, на днях она должна отбыть в Сиам.

(3) Реакция в военных кругах

Присутствие советской миссии создало нездоровую атмосферу в Легионе, спровоцировав брожение среди легионеров... Одни занимали промежуточную позицию в отношении России, предпочитали куда-нибудь временно удалиться или рассчитывали на покровительство начальства.

Для других – это шанс сократить своё пребывание в Индокитае. В основном, это легионеры из зон, которые не были аннексированы СССР. Однако немцы из советской оккупационной зоны надеялись, что положения этого договора помогут им в ближайшем будущем вернуться к родным очагам.

Что касается первых, то на данный момент советская миссия игнорирует их существование. Что же касается вторых, то полковник Дубровин развеял иллюзии немцев»⁵⁸.

Своё следующее подробное донесение о советской миссии глава Второго бюро Келлер направляет французскому военному атташе в Нанкине, уже после её отъезда на родину. Оно интересно не только подведением итогов пребывания миссии в Индокитае, но характеристиками советских офицеров.

«Глава миссии полковник Дубровин производит впечатление интеллигентного человека. Это открытый, симпатичный, но малообразованный человек. Он не говорит и не понимает по-французски, но к концу пребывания вдруг стал схватывать смысл разговоров.

С французскими офицерами у него сложились доверительные отношения, но никогда не затрагивались политические темы... Верховного комиссара в Индокитае [адмирала д'Аржанлье] он считал “оплотом капитализма”, а главнокомандующего [генерала Валлюи] – замечательным военным, выполняющим свою работу...

Накануне своего отъезда он заявил, что “даже со своими 110 дивизиями Франция не справится с вьетнамцами, которые хотят своей независимости”.

Лейтенант Кузьмин получил прозвище “большой мужик (grand mujik)”, которое характеризует его физически и интеллектуально. Храбрый парень, верный служака»⁵⁹.

Весьма настороженное отношение у Келлера к переводчику Владимиру Вишняку, который хорошо образован, «правильно говорит по-английски и

⁵⁸ SHAT / IC, dossier 10 H-531.

⁵⁹ SHAT / IC, dossier 10 H-531.

достаточно хорошо – по-французски». Возможно, именно его интеллектуальный уровень, а также его прошлая переводческая работа в Маньчжурии вызывают определенные опасения у французских властей, которые при этом признают его высокие профессиональные качества⁶⁰.

Далее в своём донесении Келлер подробно анализирует официальную деятельность советской военной миссии:

«По прибытии полковник Дубровин заявил, что, по американским данным, во Французском Индокитае имеется примерно 322 советских подданных – на день его капитуляции. И он (Дубровин) располагает списком из 190 имен, из которых никто не идентифицирован.

Он попросил через прессу дать информацию о своём присутствии. Тогда же несколько человек из интересующей миссию категории были приглашены для знакомства. Но такой рекламный ход не дал результатов.

Дубровину были представлены несколько немцев из советской зоны оккупации, но он их выпроводил. Тем не менее, постепенно и благодаря информаторам он собрал несколько имён легионеров – так называемых советских людей, с которыми он встретился.

Дубровин заявил о своём желании посетить подразделения Легиона, и ему было разрешено. В результате 9 легионеров выразили желание репатрироваться, из них шестеро – литовского, эстонского и польского и др. происхождения – были отосланы в Марсель, чтобы затем в метрополии было принято решение об их судьбе.

Миссии был представлен единственный русский гражданин, который заявил о желании остаться в Ханое... Некоторые другие русские апатриды вступили в контакт с миссией, но, кажется, тоже не выразили желания вернуться в СССР.

Секретная деятельность

⁶⁰ Напомним, что, согласно документам французского МИДа, именно личность В. Вишняка особенно долго и тщательно обсуждалась при оформлении виз советской военной миссии для поездки в Индокитай.

При прибытии в Сайгон... советские офицера стали объектом внимания многочисленных симпатизирующих лиц и организаций – группы марксистской культуры⁶¹, аннамитов-националистов и даже нескольких иностранцев, то ли англичан, то ли или американцев, которые рассчитывали разузнать у советских относительно истинной цели их присутствия в Индокитае.

В итоге:

(1) советская миссия собрала важную документацию о ситуации, об экономических и политических возможностях Индокитая;

(2) ею были осуществлены многочисленные контакты с возможными пропагандистами марксизма, включая китайских товарищей⁶².

Вся эта деятельность осуществлялась с величайшей деликатностью, полковник Дубровин отказался выходить из своей роли военного, тогда как лейтенант Вишняк демонстрировал большую активность...»⁶³.

Можно предположить, что главный вывод, какой сделали различные французские власти и службы, заключался в том, что советская миссия возвращается фактически с нулевым результатом. Но при этом «ей удалось составить общее комплексное представление (возможно, не совсем объектив-

⁶¹ Nhom van hoa Macxit - Groupe Culturel Marxiste). О деятельности этой организации в Сайгоне в 1946 г. подробнее см.: Tran Thai Binh. Nhom van hoa Macxit o Saigon 1946 // Xua va nay. 1999. So 68. Tr. 67.

⁶² «Из донесения серьёзного информатора: 30 октября в школе Nam kieu в Тёлоне, прошла 5-я Генеральная консультативная ассамблея Компартии Китая в Кохинхине и Камбодже... По этому случаю была организована встреча в честь членов советской миссии, прибывшей в Сайгон 25 октября. Только один член миссии – лейтенант [Владимир Вишняк?] – присутствовал на этом собрании. Председатель ассамблеи зачитал телеграмму от гонконгской секции Компартии Китая... В ней также указывалось, что гонконгская секция Компартии Китая провела беседу с этой [советской миссией] во время их пребывания в их городе – относительно политических директив, данных Компартией Китая в Индокитае. Советский офицер затем изложил свой взгляд относительно той деятельности, которую должны вести китайские коммунисты в Индокитае против местного Гоминдана...». См.: МАЕ / АО / IC, dossier 174. Note [11.11.1946].

⁶³ SHAT / IC, dossier 10 H-531.

ное) по индокитайскому вопросу и относительно тех возможностей, которыми располагает полуостров». Поэтому на тот момент (1947 год) трудно говорить о какой-то политической или экономической роли СССР на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Возможно, что члены миссии полковника Дубровина не были первыми советскими представителями в послевоенном Индокитае. Во всяком случае, некоторые документы французских архивов позволяют выдвинуть такую версию.

В аналитическом материале о политике мировых держав и действиях их спецслужб на Дальнем Востоке сообщалось, что 5 декабря 1945 г. русская миссия из семи человек прибыла в Чунцин и вскоре должна отбыть в Ханой, где её ожидают представители союзных стран⁶⁴. В телеграмме, направленной 20 декабря 1945 г. из Сайгона адмиралом д'Аржанлье Комиссару Республики с пометкой «Совершенно секретно», также приводилась эта информация: «Я уведомлён британскими властями о прибытии в Ханой миссии советских офицеров во главе с полковником. По сведениям британских источников, её назначение – обеспечивать русско-китайскую связь для эвакуации китайских войск в направлении Северного Китая. Дайте все уточнения, которые сможете собрать. Не вопрос – дать согласие на их поездку в южную зону»⁶⁵. А согласно британским источникам, задача этой миссии – изучить возможности репатриации советских граждан из Индокитая; указывался маршрут их самолета (Мукден-Шанхай-Кантон), сообщалось о запросе советской стороны на приземление у американцев и китайцев⁶⁶.

⁶⁴ FNNSP / JS, 1 SA 1, dossier 2. Дата, правда, не указана, но из контекста можно предположить, что речь идёт о 1945 годе.

⁶⁵ FNNSP / JS, 1 SA 2, dossier 2. Telegrammes.

⁶⁶ FNNSP / JS, 1 SA 3, dossier 1. Bulletin de renseignements. No 13. 3 janvier 1946. P. 7. См. также: Dunn Peter M. The first Vietnam War. New York, 1985. P. 28.

Несколько подробнее эта ситуация представлена в телеграмме французского военного атташе в Чунцине министру колоний (возможная дата – 27 декабря 1945 г.): «Из китайских и русских официальных источников стало известно, что в Ханой должна прибыть советская миссия, которой поручено заниматься репатриацией советских граждан и изучить ситуацию на месте. Эта миссия возглавляется полковником Климчуком, которого сопровождают 5 или 6 офицеров. Она следует таким маршрутом: из Москвы через Харбин в Пекин, затем Шанхай, Канто, Ханой»⁶⁷. В другой телеграмме (от 28 декабря 1945 г.), тоже адресованной министру колоний, эта информация подтверждалась со ссылкой на одного высокопоставленного военного, который приехал из Сайгона через Гонконг⁶⁸.

Но, пожалуй, наиболее конкретно этот факт зафиксирован в документах из архива Жана Сентени, который, как известно, прибыл в Ханой в августе 1945 года. Так, в донесении от 25 декабря 1945 г. сообщалось, что «русская комиссия состоит из 12 человек. Двое прибыли 20 декабря, а десять – 23 декабря. Прибытие самолета встречали англичане, китайцы и аннамиты. Русские сразу же были отделены от всех встречающих представителями правительства Хо Ши Мина, с которым они поддерживают как будто бы весьма сердечные отношения»⁶⁹.

Согласно этому документу, советских офицеров поселили в правительственном дворце. Сразу же по прибытии они приступили к работе – изучали полученную от правительства информацию о политике французов в Индокитае, о действиях китайцев в отношении патриотического фронта Вьетминь, о ситуации в банковской сфере (афера с банкнотами в 500 пиастров⁷⁰) и т.д.

⁶⁷ MAE / AO / IC, dossier 137. P. 90.

⁶⁸ Ibid. P. 86.

⁶⁹ FNSP / JS, 1 SA 1, dossier 2. Rapport, 25.12.1945.

⁷⁰ К концу японского господства в колонии росла инфляция. С ноября 1945 г. Индокитайский банк односторонним актом решил изъять из обращения банковские билеты достоинством в 500 пиастров и отказался признавать платёжные векселя Демократической Республики Вьетнам, то есть рассматривать её как преемника колониальной администрации.

«Русские хотели тотчас же распустить [партию] Вьетнам куок зан данг..., но в связи с новыми ориентирами китайской политики, принятой двумя днями позже, предложение русских не было принято. И эта новая политика китайцев, вне всякого сомнения, мотивирована прибытием русских в Индокитай... По требованию русских китайцы отправят на родину часть своих войск. Их оккупация представляется весьма обременительной для населения [Индокитай]»⁷¹.

Возможно, от советской миссии поступило предложение фронту Вьетминь о том, что отныне ему следует проводить политику сотрудничества с Францией для того, чтобы «не попасть в орбиту проамериканского Гоминдана», не проявлять враждебность против французов, а наоборот, «нужно делать ставку на Францию, чтобы сопротивляться китайским реакционерам и американцам»⁷².

Известный французский историк, специалист в области франко-вьетнамских отношений Филипп Девийе полагает, что «эта суперсекретная русская миссия была направлена в Ханой, чтобы довести до Хо Ши Мина определённые указания от ЦК ВКП (б) тактике поведения как с французами, так и с китайцами»⁷³. И действительно, через несколько дней стало существенно меняться отношение Вьетминя и Революционного правительства к французам⁷⁴. Возможно, по мнению Ф. Девийе, Москва порекомендовала Вьетминю своими действиями не создавать проблемы для французских коммунистов, которые были в то время у власти. А то получилось бы, что одни коммунисты вели борьбу против других коммунистов. Миссия пробы-

⁷¹ FNNSP / JS, dossier 1 SA 1, dossier 2. Rapport, 25.12.1945.

⁷² Devillers Philippe. Paris-Saigon-Hanoi: Les archives de la guerre 1944-1947. Paris, 1988. P. 115.

⁷³ Телефонный разговор с Филиппом Девийе, 23 октября 2008 года.

⁷⁴ И действительно, с января 1946 г. позиция Вьетминя в отношении Франции меняется. Об этом писал Жан Сентени в своей телеграмме от 23 января 1946 года: «[вьетнамское революционное] правительство изменило отношение к французам». Подробнее см.: FNNSP / JS, 1 SA 1, dossier 2.

ла в Ханое несколько дней, встречалась с Хо Ши Мином. Документов о её пребывании нет, есть только устные распоряжения⁷⁵.

И ещё один «русский сюжет». В конце лета – начале осени 1945 г. в Ханое появился некий Соловьёв, который активно пытался наладить контакты как с представителями американских, так и французских военных властей и специальных служб.

В своей книге «Почему Вьетнам?» американский военный историк Архимед Патти вспоминает о том, как он, майор американской разведывательной миссии Управления стратегических служб (OSS) встретился 23 августа 1945 г. в Ханое с человеком, который назвал себя «советским представителем в Индокитае». Вот как описывает этот эпизод Патти: «В ту ночь (23 августа 1945 г.) меня посетил советский представитель в Индокитае – Степан Соловьёв (Stephan Solovieff). Он позвонил мне в первые часы моего пребывания в Ханое, и я его пригласил на коктейль. Это был приятный человек, лет сорока с лишним, с открытой улыбкой и прямой в обращении. Он представился неким советским связным с японскими политическими кругами в Ханое, Хюэ и Сайгоне, его задача – заботиться об интересах советских граждан в Индокитае...»⁷⁶.

Примерно в то же время уже упоминавшийся ранее майор Франсуа Мисофф, член миссии Жана Сентени, вспоминал о встрече с полковником С., которая состоялась осенью 1945 г. в Ханое на вилле, построенной французами до войны. Как писал Мисофф, возможно, что его собеседником был представитель советских секретных служб, который так изложил свои взгляды: «Наша политика последовательно проста. Мы должны разрушить старые западные державы и США, которые, конечно, являются главным препятствием перед нами. И у нас есть два способа. Первый – поддерживать коммуни-

⁷⁵ Телефонный разговор с Филиппом Девийе, 23 октября 2008 года. Он утверждает, что эти сведения были получены от проверенного источника (informatateur exelent).

⁷⁶ Patti Archimedes L.A. Why Vietnam? Prelude to American Albatros. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1980. P. 178-181.

стические партии, которые действуют внутри страны. Второй – отрезать западные державы от их сырьевых житниц, то есть отрезать колониальные империи»⁷⁷.

Этот полковник С. полагал, что в своих действиях угнетенные страны и народы Азии должны объединиться вокруг политической идеи – коммунизма: «... вполне естественно, что политическая динамика приведет к их единению под эгидой великой азиатской державы. И эта азиатская держава – Советский Союз»⁷⁸. Из этого разговора Мисофф сделал вывод: СССР претендовал на роль великой державой Азии.

В списках русских офицеров, находившихся в Тонкине (Северном Вьетнаме) в 1930-е годы, числился Соловьёв Жорж, который как бывший офицер Русской армии поступил в Иностраннный легион по прямому набору в чине младшего лейтенанта (на момент поступления – лейтенант)⁷⁹. Жившая в Индокитае в годы Второй мировой войны, Ольга Ильина (в замужестве – Лаиль, младшая сестра известной писательницы Натальи Ильиной) рассказывала о русском офицере по фамилии Соловьев, которого она видела неоднократно в Ханое⁸⁰. По её словам, он служил во Французской армии⁸¹.

⁷⁷ Francois Missoffe. *Duel rouge*. Paris, 1977. P. 35.

⁷⁸ Ibid. P. 36.

⁷⁹ Szecsko Tibor. *La Legion Etrangere en Indochine, 1919-1941*. Paris, 1989. Tr. 280.

⁸⁰ Беседы с Ольгой Иосифовной Лаиль состоялись в Москве и Париже в 2007 и 2008 годах.

⁸¹ Однажды Ольга Лаиль встретила с ним в поезде, когда ехала к своему французскому мужу в другой город. И этот эпизод она хорошо запомнила по одной весьма прозаической причине. На Соловьёве была красивая шелковая рубашка. Тогда во Вьетнаме были трудности с европейскими товарами. Ольга Лаиль, молодая и симпатичная девушка, подумала, что из рубашки Соловьёва можно сшить хорошую кофточку. Она набралась смелости и попросила Соловьёва отдать ей эту рубашку. Он нисколько не удивился и согласился. О.И. Лаиль вспоминала, что Соловьёв был солидным мужчиной, старше среднего возраста, любитель вышить.

Американский историк Кристофер Гоша, анализируя различные аспекты Первой индокитайской войны⁸², упоминает некоего Соловьёва, гражданина Франции и русского по происхождению, который вместе с японским интеллигентом Киоши Кумацу и некоторыми европейцами принимал активное участие в созданном в Ханое «Международном комитете по оказанию помощи и поддержки революционному правительству ДРВ». О Соловьёве также сообщается, что в Индокитае он появился в 1930-х годах и занимался коммерческими операциями на Дальнем Востоке⁸³, что он был хорошо знаком с Жаном Сентени, который «доверял ему многие опасные и деликатные поручения»⁸⁴. В 1946 г. Соловьёв вернулся во Францию и, по данным некоторых источников, «поддерживал отношения с русским посольством в Париже»⁸⁵.

Кем же был Соловьёв в действительности? Или это всего лишь «историческая мистификация»? А может быть, в нём совместились сразу несколько персонажей, живших в пору в Индокитае? Только дальнейшие изыскания историков помогут прояснить эту проблему.

Postscriptum

Из «Обзора о политике Франции, России, Америки, Китая, Великобритании и Японии на Дальнем Востоке – через призму действия их спецслужб» (1945 год):

«Нельзя собственно говорить о прямых действиях русских спецслужб в Тонкине вплоть до сегодняшнего дня. Русская миссия из 7 человек прибыла 5 декабря [1945 г.] в Чунгкин, её с нетерпением ожидают в Ханое представители союзных стран. Контакты и беседы, проведённые с русскими агентами,

⁸² Goscha Christopher. *Allies Tardifs: les apports techniques des deserteurs japonais au Viet-Minh during les premieres annees de la guerre franco-vietnamienne // Guerres mondiales et les conflits contemporains. Serie CAIRN. 2001. No 2/3 (202-203). P. 81-109.*

⁸³ Ibid. P. 9.

⁸⁴ Ibid. P. 24.

⁸⁵ Ibid.

с одной стороны, и с японцами – с другой, позволяют заключить, что русские не проявляют враждебность в отношении суверенитета французов в Индокитае. Франция не представляет на Дальнем Востоке никакого опасного характера. Советы, которые являются великой азиатской державой, как и европейской, мечтают о влиянии на желтую расу вокруг коммунистических идеалов...

Цель русских, кажется, создать азиатский блок под советским влиянием. Реализация этого проекта требует исключения на Дальнем Востоке Америки и Великобритании. Правительство Хо Ши Мина направило послание Сталину, а также тайно командировало представителей Компартии в Китай – в Кантон, чтобы попросить помощи против империалистических атак на Дальнем Востоке. Сейчас Вьетминь все свои надежды возлагает на прибытие советской миссии»⁸⁶.

⁸⁶ FNSP / JS, 1 SA 1, dossier 2.